

М. В. Шкаровский, В. В. Бойков

Между двух эпох. Жизнь и деятельность Георгия Болеславовича Петкевича

УДК 94(470+571):929+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_285
EDN KMBFOE

Аннотация: Один из высших сановников Российской империи — губернатор и директор Департамента Духовных дел Георгий Болеславович Петкевич — имел необычную и трагическую судьбу. Несмотря на социальное происхождение и прежнюю карьеру, он искренне пошел служить советской власти, в первые послереволюционные годы занимал руководящие хозяйственные посты. При этом Г. Б. Петкевич оставался глубоко верующим человеком, несколько раз подвергался арестам и в конце концов был расстрелян в 1937 г. В последние годы жизни он был председателем приходского совета и завхозом Николо-Богоявленского собора Ленинграда (Санкт-Петербурга). Статья подготовлена на основе неизвестных ранее архивных документов.

Ключевые слова: Г. Б. Петкевич, Русская Православная Церковь, антирелигиозные репрессии, Николо-Богоявленский собор, Санкт-Петербург.

Об авторах: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: shkarovs@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Владимир Васильевич Бойков

Независимый исследователь, Воронеж.
E-mail: bogvel@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7305-995X>

Для цитирования: Шкаровский М. В., Бойков В. В. Между двух эпох. Жизнь и деятельность Георгия Болеславовича Петкевича // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 285–299.

Статья поступила в редакцию 30.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 16.02.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Mikhail V. Shkarovsky, Vladimir V. Boykov

Between Two Epochs. The Life and Work of George Boleslavovich Petkevich

UDK 94(470+571):929+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_285
EDN KMBPOE

Abstract: One of the highest dignitaries of the Russian Empire, the governor and director of the Department of Spiritual Affairs, George Boleslavovich Petkevich, had an unusual and tragic fate. Despite his social background and previous career, he sincerely started to serve the Soviet government, and in the first post-revolutionary years he held senior economic posts. At the same time, he remained a deeply religious man, was arrested several times and was eventually shot in 1937. In the last years of his life, he was chairman of the parish council and caretaker of St. Nicholas Epiphany Cathedral in Leningrad (St. Petersburg). The article was prepared on the basis of previously unknown archival documents.

Keywords: G. B. Petkevich, Russian Orthodox Church, antireligious reforms, St. Nicholas Epiphany Cathedral, St. Petersburg.

About the authors: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences; Chief Archivist of the Central State Archive of Saint Petersburg; Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Vladimir Vasiljevich Boykov

Historian, Independent Researcher, Voronezh.

E-mail: bogvel@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7305-995X>

For citation: Shkarovsky M.V., Boykov V.V. Between Two Epochs. The Life and Work of George Boleslavovich Petkevich. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 285–299.

The article was submitted 30.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 16.02.2024.

В Литовском крае

Один из высших сановников Российской империи, губернатор и директор Департамента Духовных дел Георгий Болеславович Петкевич имел необычную и трагическую судьбу. О нем, его деятельности написано немного, историография исчисляется очерками И. Грезина, а также А. Н. Акиньшина и М. Д. Карпачева, советский период жизни и деятельности вообще не рассматривался (см.: [Grézine, 1998; Акиньшин, Карпачев, 2015, 391–398]). Несмотря на социальное происхождение и прежнюю карьеру, он искренне пошел служить советской власти, в первые послереволюционные годы занимал руководящие хозяйственные посты, оставаясь глубоко верующим человеком, несколько раз подвергался арестам и в конце концов был расстрелян в 1937 г.

Георгий (Георг Болеслав Эмиль Карл) Болеславович Петкевич родился 8 (20) сентября 1873 г. в имении Людвиково Дрисвятской волости Новоалександровского (Новоалександровск, ныне г. Зарасай, Литва) уезда Ковенской губернии в польской дворянской семье уездного начальника надворного советника Болеслава Воцлава Игнатия Петкевича и 27 января 1877 г. был окончательно утвержден в дворянском звании (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 11). Его мать Эмилия Францевна Глушанина происходила из униатской духовной семьи. Имение Петкевичей располагалось на границе Ковенской и Курляндской губерний, т. е. Литвы и Латвии. В Курляндской губернии у его отца была также недвижимость, поэтому юный Петкевич, по его словам, с раннего возраста «варился в бульоне национальных и религиозных страстей» (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Письма Г. Б. Петкевича к А. И. Свицерскому. Л. 28).

С 1884 г. молодой человек учился во 2-й Петербургской гимназии, в 1895 г. окончил в столице Императорский Александровский лицей, перейдя из католицизма в православие уже в юношеском возрасте. В 1895–1897 гг. он служил чиновником канцелярии 2-го департамента Сената, а в 1897 г. вернулся в Ковенскую губернию. Здесь в 1897–1898 гг. Г. Б. Петкевич занимал должности мирового посредника, в 1902–1906 гг. — председателя съезда мировых посредников, а в 1898–1901 гг. — почетного мирового судьи Новоалександровского уезда.

С 1901 по 1902 гг. Георгий Болеславович был непременным членом Ковенского губернского по крестьянским делам присутствия, а в 1902–1906 гг. — предводителем дворянства Ново-Александровского уезда. Позднее он так писал о ковенской службе: «Я здесь работал не за страх, а за совесть, и клал буквально душу в дело. Несмотря на крайне враждебное отношение местных дворян, я заставил их себя признавать и даже уважать...» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 168. Л. 4).

Надо отметить, что для Петкевича переход в православие стал не формальным актом, связанным со служебной карьерой, а решением, сделавшим его воцерковленным человеком, что имело значительные последствия. Но тем самым он поставил себя в непростое положение среди преимущественно католического дворянского окружения края. Описанное время было для Георгия Болеславовича если не прозелитизмом, то искренним участием в православной жизни Ковенской губернии. За труды в постройке церкви в мест. Дрисвяты в начале XX в. Г. Б. Петкевич получил благословение Св. Синода, с июля 1901 г. он был церковным старостой Александровской церкви в Ковно.

В 1897–1902 гг. одновременно с Г. Б. Петкевичем в Ковенской губернии служит уездным, а затем губернским предводителем дворянства П. А. Столыпин. Судя по всему, каких-то личных или близких служебных отношений у них не было. Тем не менее в сентябре 1906 г., когда министр внутренних дел Столыпин был уже председателем Совета министров, Г. Б. Петкевич обратился к нему письменно, напоминая о своем ходатайстве занять вице-губернаторскую должность в одной из великорусских губерний. Пользуясь репутацией успешного предводителя дворянства в непростой Ковенской губернии, он так мотивировал свою просьбу: «пишу Вам совершенно откровенно, я уверен в своей энергии, силах и стремлюсь занять в общественной лестнице следующие ступеньки, чтобы продолжить работу в большем масштабе со всею

полнотой физическо-умственных сил» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 168. Л. 5 об. — 6). Именно благодаря П. А. Столыпину и определился его дальнейший служебный путь.

На государственном Олимпе

18 ноября 1906 г., в 33 года, Георгий Болеславович Высочайшим приказом был назначен вице-губернатором Пензенской губернии. Непродолжительное время он служит под начальством губернатора С. В. Александровского, после убийства которого эсеровским боевиком в январе 1907 г. некоторое время исполнял губернаторские обязанности. Следующий пензенский губернатор И. Ф. Кошко в своих мемуарах оставил об умном и работающем вице-губернаторе Петкевиче доброжелательные воспоминания, характеризуя весьма порядочным, корректным, деликатным и удивительно храбрым для своего времени человеком. Отмечая и такие личные качества Петкевича, как горячность и нервность, Кошко писал об особенности, доставлявшей его заместителю неприятности: «он совершенно был лишен дара слова. Когда начинал говорить, то так мямлил... что просто трудно было схватить смысл его слов, почему многие оценивали его способности много ниже, чем это было на самом деле» [Кошко, 1916, 139–140]¹.

27 апреля 1908 г. в с. Салтыково Сердобского уезда Саратовской губернии Г. Б. Петкевич женился на дочери члена Казанского окружного суда, действительного статского советника И. И. Горемыкина Вере Игнатьевне (1888–1975), дальней родственнице будущего председателя Совета министров и внучке историка-архивиста академика Н. В. Калачева² (ГАСО. Ф. 637. Оп. 2. Д. 2642. Л. 30 об. — 31).

15 декабря 1908 г. Г. Б. Петкевича перевели на должность вице-губернатора в Казанскую губернию, где он прослужил более пяти лет. В мае 1912 г. его удостоили чина статского советника. В Казани Петкевич по должности также являлся товарищем председателя губернской землеустроительной комиссии, проводил в жизнь столыпинскую аграрную политику, за что в 1913 г. был удостоен специального знака отличия. Как и в Ковно, Георгий Болеславович участвовал в местной православной жизни: с 1909 г. он состоял в Казанском братстве св. Гурия.

С 3 февраля 1914 по 30 октября 1915 гг. Г. Б. Петкевич исправлял должность губернатора Воронежской губернии. Большая часть его служебной деятельности в Воронеже пришлось на трудное время Первой мировой войны. Современные историки отмечают: «На губернатора сразу же обрушился груз тяжелых обязанностей по организации жизни тыловой губернии. Больших усилий потребовало проведение массовой мобилизации призывных возрастов, необходимо было позаботиться о том, чтобы не расстроилась экономика после ухода в армию сотен тысяч самых трудоспособных людей. Предстояло разместить эвакуированные в Воронежскую губернию многочисленные предприятия и учреждения прифронтовых районов страны» [Акиншин, Карпачев, 2015, 393].

Основными проблемами для Георгия Болеславовича стали реализация «сухого закона» и рост цен на продовольствие. И то и другое в военных условиях приходилось решать исключительно административными мерами, что в итоге не всегда приводило к нужному результату. 6 декабря 1914 г. Г. Б. Петкевич принимал посетившего Воронеж императора Николая II и его семью. После поездки Николай II поблагодарил губернатора за прием и отличный порядок в городе.

¹ Известен отрицательный отзыв товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского 1914 г. о губернаторстве Г. Б. Петкевича в Воронеже. См.: [Джунковский, 1997, т. 2, 467–468]. Джунковский принял за истину свое первое впечатление от единственного разговора с Петкевичем, кавалерийским наскоком составил мнение о нем, его жене и попал в «ловушку», о которой предупреждал Кошко.

² Имение в с. Салтыково ранее принадлежало Н. В. Калачеву. Здесь в Дмитриевской церкви он был похоронен.

Не только прием императора, но и опыт работы в губерниях (особенно в Ковенской), населенных католиками, старообрядцами, иудеями и мусульманами, вероятно, сыграл немаловажную роль в том, что 30 октября 1915 г. Георгия Болеславовича назначили исполняющим обязанности директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. 6 декабря 1915 г. он был произведен в чин действительного статского советника, а 1 января 1916 г. утвержден директором Департамента, при этом состоял также членом Статистического совета. Положение Петкевича резко изменилось с приходом на министерский пост в сентябре 1916 г. А. Д. Протопопова. 11 октября Протопопов направляет ему письмо с просьбой об отставке, не приводя конкретных объяснений и мотивируя решение разным с Петкевичем пониманием предстоящей работы по Департаменту. Здесь же он ставит почти ультимативное условие: «...обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой взять на себя инициативу подачи прошения об отставке и тем самым избавить меня от обязанности Всеподданнейше докладывать Его Императорскому Величеству о мотивах, вызывающих это мое решение». Судя по всему, Георгий Болеславович не считал свое положение критическим, не был готов к такому развитию событий и полагал решение министра несправедливым. Тем не менее 1 ноября 1916 г. он был отправлен в отставку. За ответственное исполнение своих обязанностей Георгия Болеславовича наградили четырьмя правительственными орденами. В годы войны он был зачислен в ратное ополчение 2-го разряда, но военную службу не отбывал. Петербургский период жизни Г. Б. Петкевича был омрачен и драматическим событием: в 1916 г. от него ушла жена Вера Игнатьевна, юридически разрыв был оформлен уже в советское время.

На продовольственной стезе

С ноября 1916 г. Г. Б. Петкевич работал инспектором отдела заготовок скоропортящихся продуктов Министерства земледелия, как он писал впоследствии, по вольному найму (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Л. 41). С этого времени началась длительная работа Георгия Болеславовича по продовольственному делу. В 1917 г. он продолжил эту деятельность уже в Министерстве продовольствия Временного правительства. Немало времени у инспектора Петкевича занимали расследования различных злоупотреблений по продовольственным сделкам, он совершал много служебных командировок с широкими полномочиями по заготовкам продовольствия в российские губернии и даже за границу — в Персию.

В августе 1917 г. в Астрахани начались волнения из-за недостатка продовольствия, и Г. Б. Петкевич был командирован разобраться с местной ситуацией и сгладить хлебный кризис. В министерской инструкции Петкевичу говорилось о справедливом распределении продуктов среди населения «с тем, чтобы закупки хлеба по ценам выше твердых были совершенно прекращены» (ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 148. Дело о командировках инспектора Министерства продовольствия Петкевича Г. Б. по обследованию деятельности уполномоченных и губернских продовольственных комитетов). Как и в Воронеже, Георгий Болеславович снова применял меры внеэкономического принуждения. Исключая просимое Астраханским продовольственным комитетом повышение закупочных цен на зерно, Петкевич в отчете-телеграмме от 20 августа перечислял необходимые действия к исправлению ситуации в диапазоне от меновой торговли до реквизиций хлеба (ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 148. Л. 100–104).

В этой сложной и энергичной работе по своему методу он использовал «всех и вся». Сохранилась составленная Г. Б. Петкевичем телеграмма министра в адрес председателя Астраханского совета рабочих и солдатских депутатов с благодарностью за поддержку мер Временного правительства, которые он проводил, будучи в Астрахани (ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 148. Л. 123). В министерстве Георгий Болеславович рассматривался как чиновник, способный в сложнейшей ситуации 1917 г. удерживать на местах продовольственное дело от окончательного краха, проявляя

волевые и дипломатические способности. В документе от 11 ноября 1917 г., времени, когда в Петрограде уже установилась советская власть, а министерство еще работало по-прежнему, говорилось о необходимости командировать исполняющего обязанности старшего инспектора Г. Б. Петкевича в 11 центрально-черноземных и украинских губерний. Целью поездки планировалось усиление заготовок продовольствия и выработка с местными общественными, кооперативными, торгово-промышленными органами правильной постановки продовольственного дела.

Октябрьский переворот застал Петкевича в Уфе, где он был в командировке по заданию министерства с 4 октября по 7 ноября 1917 г. Здесь Георгий Болеславович в ходе практической работы сблизился с «милыми уфимскими большевиками» — возглавлявшим местный продовольственный комитет будущим наркомом продовольствия РСФСР А. Д. Дюрупой, председателем местного совета и военно-революционного комитета А. А. Свицерским и комиссаром продовольствия Н. П. Брюхановым, с которыми сохранил «лучшие отношения» до 1920-х гг. Позднее Петкевич так писал об этом времени Свицерскому: «я принял октябрь без всякого внутреннего протеста, без всякого предубеждения, а в дальнейшем совершенно искренне приобщил себя к вашей работе, к вашей жизни и к вашему строительству. Я многих полюбил и ко многим привязался совершенно искренне» (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Л. 38).

Трудно объяснить этот поворот в судьбе Г. Б. Петкевича. Он, действительный статский советник, в 44-летнем возрасте пошел на службу к власти, планомерно уничтожавшей все то прошлое, которому до этого служил и частью которого был. Ничто в его дореволюционной биографии не указывало даже на малейшую оппозиционность старому строю. Пожалуй, единственным, что сблизало Петкевича с большевиками, были принимаемые меры мобилизационного и принудительного характера в администрировании военного времени. Возможно, тогда такая практика показалась ему наиболее эффективной в большевистской интерпретации, но его нельзя назвать ярким поборником военного коммунизма, позже, как мы увидим, он приветствует НЭП. Как здесь не вспомнить слова губернатора И. Ф. Кошко о горячности Петкевича! Он буквально в одночасье предвосхитил идеологию сменовеховства — веру в большевиков как продолжателей строительства сильного русского государства, невзирая на идеологическую окраску. Безусловно, Петкевич сделал это не из конъюнктурных интересов. Это был открытый человек без всякого двойного дна. Но как он — Александровский лицеист выпуска 1895 г. — мог вполне искренне (а скорее всего, это было так) приобщить себя к коммунистической жизни и строительству? Георгий Болеславович писал о любви и привязанности к своим соратникам, новым руководителям советской страны. Психологически резкий поворот от старой к новой элите может объясняться личными обстоятельствами жизни, обидами и человеческим одиночеством. Тем не менее, загадка здесь остается.

Советская служба

Уфимский «переворот» был даже закреплён письменно. В Петроград Петкевич вернулся, по его выражению, «нравственно связанным» с большевиками и с командировочным удостоверением от Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов. Документ до нас не дошел, но, безусловно, он открыл ему дорогу к советской службе. Г. Б. Петкевич по приглашению будущего 1-го секретаря коммунистической партии Украины Д. З. Мануильского (в то время члена коллегии Наркомпрода) начал работать в Наркомате продовольствия. Одним из первых шагов на новой службе была поездка в начале 1918 г. в Аничков дворец в Министерство продовольствия, где после беседы Г. Б. Петкевича с комитетом служащих была прекращена забастовка. «Там, правда, — вспоминал он позднее, — долго уговаривать не приходилось, т.к. публика заголодалась» (ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 148. Л. 39).

Но в этой ситуации Петкевич пошел дальше — в силу своих знаний, опыта и предоставленной ему власти сделал персональный отбор служащих для нового

ведомства; без преувеличения можно сказать, что он стоял у истоков формирования Наркомпрода. В наркомате он стал заместителем председателя комиссии по ревизии продовольственного дела в Петрограде, занимался борьбой с хищениями и беспорядками в продовольственном деле; затем работал председателем Петроградской и Московской ревизионных комиссий, заведующим отделом особых поручений Наркомата продовольствия. После ликвидации ревизионных комиссий в июне 1919 г. Г. Б. Петкевич по поручению Цюрупы выехал на Украину особым уполномоченным для координации действий украинского и российского наркоматов. Ему вменялось в обязанность также выяснение общей ситуации с продовольствием в ряде губерний и целесообразности способов заготовки продовольствия. При этом он находился в тесных взаимоотношениях и с другими видными советскими и партийными деятелями: А. Г. Шлихтером, О. Ю. Шмидтом, М. И. Фрумкиным и др. В дальнейшем Г. Б. Петкевич работал старшим инструктором и уполномоченным Главпродснабарма, занимался снабжением продовольствием Красной армии, также трудился в Наркомате внешней торговли (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 20–20 об.). Надо отметить, что Петкевич своей службой в эпоху Гражданской войны оказал незаменимую услугу советской власти. Таких работников у большевиков тогда было очень мало.

При этом Георгий Болеславович оставался глубоко верующим человеком. В частности, он вошел в первый состав избранного 25 сентября 1918 г. в соответствии с требованиями советских властей приходского совета Николо-Богоявленского собора в Петрограде и находился в нем до 1919 г., но затем выбыл, так как в то время работал советским служащим в Москве (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 238. Л. 3). Еще одна загадка: как Петкевич сочетал свою воцерковленность с воинствующей атеистической практикой советского государства, которому тогда служил? Следует упомянуть, что в 1919 г. Г. Б. Петкевич был подвергнут кратковременному, на один день, аресту ЧК — за то, что якобы был «сановником», однако вскоре его выпустили на свободу (АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-70840. Л. 3).

К 1921 г. Георгий Болеславович вернулся в Петроград, летом этого года работал инструктором-агрономом сельскохозяйственного отделения Главпродснабарма и особоуполномоченным по обследованию огородных хозяйств и совхоза Управления по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости Балтийского флота. По его словам, в это тяжелейшее время «фанатически старался организовать военсовхоз, поставить на ноги там с[ельское] хозяйство, сохранить племенной скот, дать лошадей, восстановить севооборот с травосеянием, восстановить постройки, собирал удобрения со всех ближайших городов, а заодно подобно „Маремьяне старице, которая обо всем печалится“, я бросался со своим вагончиком всюду, где нужно было подхватить, исправить работу» (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Л. 39 об.). С осени 1921 г. Петкевич — начальник подготовительно-производственной части Продовольственного управления Петроградского округа (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 15).

В 1920 г. Г. Б. Петкевич, согласно его документам 1921 г., официально развелся с первой женой, и в 1924 г. она с тремя их общими дочерьми Марией, Кирой, Ольгой и новым мужем эмигрировала в Швейцарию. 10 марта 1921 г. Георгий Болеславович женился вторично, на вдове Вере Германовне Пейкаровой. Она родилась в 1891 г. в г. Феодосии Таврической губернии, имела трех малолетних дочерей от первого брака, работала контролщицей, но 1 апреля 1921 г. получила инвалидность из-за тяжелой формы туберкулеза. 31 августа 1921 г. состоялось их венчание в Матвеевской церкви на Петроградской стороне, которое совершил настоятель храма прот. Иоанн Альбинский (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 9–10).

В это время Георгий Болеславович получил известие с родины о том, что он может вступить в право собственности на родовое имение. Некоторое время Г. Б. Петкевич вел переписку об этом с адвокатом Югелевичем из Каунаса, а затем со своим поверенным в делах Ворониным в Вильнюсе.

В результате 26 сентября 1921 г. Георгий Болеславович подал ходатайство в Иностранное отделение Петрогубисполкома³ о выходе из российского гражданства и оптации литовского гражданства, так как он планировал уехать в Литву. 23 сентября 1922 г. ходатайство было удовлетворено. В тот период Г. Б. Петкевич по рекомендации А. Д. Цюрупы работал помощником заведующего коммерческой части Петроградского государственного пенькового треста (с апреля 1922 г.) и проживал по адресу: ул. Скороходова (Большая Монетная), д. 3а, кв. 32 (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 1–2, 18).

Однако Георгий Болеславович все-таки остался в Северной столице. 23 сентября 1923 г. истек срок пребывания Г. Б. Петкевича в СССР, и 11 июля он написал ходатайство в Иностранное отделение Петрогубисполкома об обратном приеме его и жены в советское подданство, указав: «Единственной причиной, вызвавшей мое ходатайство [об оптации литовского гражданства] было отнюдь не стремление покинуть пределы Советской России, а желание воспользоваться небольшим имуществом, находящимся в пределах Дрисвятской волости бывшего Новоалександровского уезда Ковенской губернии, откуда я родом. Заявление я подавал скрепя сердцем, в последний момент, ибо, занимая с начала революции ряд ответственных должностей в Советской России и находясь в личных отношениях с некоторыми видными коммунистами, я с большим трудом собирался уехать из России. С самого начала Революции я стал на сторону Советской власти и поставил [на службу] ей весь свой жизненный опыт и всю свою энергию...

К тому же я рассчитывал, что благодаря этому имуществу у меня окажется возможность лечить мою жену, заболевшую острой формой туберкулеза... Между тем, уже после подачи мной прошения об оптации, выяснилось, что моя родная Дрисвятская волость была занята Желиговским⁴ и присоединена к Польской территории. Таким образом, переселение в Дрисвятскую волость означало бы для меня ссылку в ненавистную мне Польскую республику... За все время моей службы я не только не подвергался каким-либо дисциплинарным взысканиям, а наоборот, всегда пользовался доверием и работал не за страх, а за совесть» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 20–21 об.).

К этому ходатайству была приложена характеристика правления Пенькового треста от 10 июля 1923 г., в которой говорилось, «что управляющий Московским агентством Петропенькатреста гражданин Петкевич Г. Б., в связи с проявляемой им энергией и знакомством с Московскими учреждениями и Московским рынком, является не только полезным, но и нужным работником для Петропенькатреста. В своей деятельности гражданин Петкевич стоит на советской платформе, а в своих служебных и личных отношениях неукоснительно проводит советскую точку зрения и советское направление» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 22). В результате постановлением отдела управления Петрогубисполкома от 9 августа 1923 г. Георгий Болеславович и его жена были снова приняты в российское гражданство (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714. Л. 30).

С 1924 по 1928 гг. Петкевич работал в советско-германском акционерном обществе по экспорту яиц «Эгеэкспорт», до 1925 г. был членом его правления от Народного комиссариата внешней торговли, с мая 1925 г. — уполномоченным общества по Ленинграду. После ликвидации общества работал с 1928 по 1929 гг. экспертом в управлении холодильников «Хладоэкспорта».

В 1920-е гг. Г. Б. Петкевич поддерживал отношения с А. И. Свицерским — сохранились письма к нему за эти годы, и, как следует из них, во 2-й пол. 1920-х гг. через него отношения продолжались и с А. Д. Цюрупой до смерти последнего в 1928 г. Эти отношения нельзя назвать товарищескими — инициатива писем исходила

³ Петроградский губернский исполнительный комитет, орган исполнительной власти в Советской России.

⁴ 12 октября 1920 г. польский генерал Люциан Желиговский, захватив Вильну (Вильнюс), объявил о создании временного правительства Срединной Литвы. 24 марта 1922 г. Варшавский сейм ратифицировал решение Виленского сейма о воссоединении Виленского края с Польшей (не признанное Литвой).

от Петкевича, который обращался к бывшему начальнику ситуативно, иногда для получения нужной поддержки, с просьбами, деловыми предложениями, аналитическими записками. Вспоминая годы совместной работы, Георгий Болеславович иногда сокрушался, что власть не использует в должной мере его управленческий потенциал.

Время НЭПа вдохновляло Петкевича на использование различных способов привлечения западного капитала в СССР, и он предлагал для этого наработанные связи. Исходя из своего опыта, Георгий Болеславович критично относился к практике нежизнеспособных смешанных (частно-государственных) обществ: «структура смешанных обществ пугает и отталкивает серьезных представителей капитала. В этой обстановке могут работать иностранцы бывшей черты оседлости, которые при царизме привыкли к самым невероятным условиям работы и которые лишь бы работать готовы организовать смешанное общество хотя бы с экономическим отделом ГПУ. Но это несерьезно» (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Л. 8 об.). Петкевич справедливо видел угрозу экономике в централизации и бюрократизме. В материальном отношении его жизнь складывалась тяжело, и фраза, сказанная Георгием Болеславовичем, когда он в 1924 г. просил помощи в трудоустройстве у Свидерского, — «Простите мои писания, но делать нечего — голодно» — стала в той или иной форме рефреном на следующее пятилетие.

Расплата

В начале 1929 г. Г. Б. Петкевич как бывший дворянин оказался лишен избирательных прав. 19 февраля он обратился за помощью к А. И. Свидерскому. После этого Петкевич написал ему еще два письма, и в последнем от 19 апреля 1929 г. говорилось: «Мне было, конечно, больно не получить от Вас даже реплики по поводу случившейся со мной беды на 12 году существования Советов и на 12 году моей службы Советам». Такова была благодарность за многолетнюю советскую службу. Георгий Болеславович закончил письмо так: «Самое большое неудовольствие от уничтожения меня, что мои девочки (дочери, жившие в Швейцарии. — М. Ш., В. Б.), когда узнают о случившемся с отцом на 12 году революции, то скажут: „Вот отец поверил и погиб“, да больная туберкулезом жена будет мытарствовать, пока не умрет. Следовательно, моя гибель не большая важность. Где лес рубят, там и щепки летят, так можно объяснить сие» (ГАРФ. Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250. Л. 45).

2 августа 1930 г. Георгий Болеславович был во второй раз арестован, согласно постановлению от 31 июля, по подозрению, что «занимается антисоветской деятельностью». Вероятно, реальной причиной ареста Петкевича явились контакты с представителями оппозиционного советской власти иосифлянского движения в Русской Православной Церкви, за которыми велось постоянное наблюдение агентами ГПУ.

Обыск, проведенный на квартире Петкевича (Коломяги, 3-я линия, д. 53) при аресте, почти ничего не дал следствию: были изъяты лишь два церковных воззвания и переписка. В постановлении о принятии дела к производству говорилось: «Петкевич, будучи при царском строе директором инославных исповеданий, за последнее время стал собирать сведения о церковных делах в СССР с целью выехать за границу и собранный материал использовать во вред Советской власти» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-49258. Л. 1).

В заполненной после ареста анкете Г. Б. Петкевич сообщил, что он является безработным, у матери было в Ковенской губернии имение, но поверенный в делах его расхитил и продал. В графе «Политические убеждения» Георгий Болеславович отметил: «Убежденный демократ». На первом допросе 5 августа Г. Б. Петкевич показал: «С иосифлянами я знаком с Александром Советовым и Сергием Дружининым, [игуменией Афанасией] Громеко и [монахиней] Серафимой Голубевой. Дружинин видел меня на панихиде митрополита Антония [(Вадковского)]⁵, а после панихиды

⁵ Речь идет о митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Антонии (Вадковском; 1846–1912).

пригласил меня на обед, где обсуждали вопрос о иосифлянском расколе. Сергей для большего авторитета предложил [протоиерею] Никифору Стрельникову принести на обед документы о расколе, но Стрельников испугался и не пришел» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-49258. Л. 9).

14 августа было принято постановление о привлечении Г. Б. Петкевича в качестве обвиняемого, так как он якобы изблечен в том, что, «намереваясь выехать за границу, собирал в церквях сведения о гонениях на Церковь в СССР». 1 сентября состоялся второй краткий допрос, в ходе которого подследственный показал: «Как бывший царский директор департамента духовных дел я интересуюсь церковными делами, для чего я посещал многих из духовенства и имел с ними беседы чисто по религиозным вопросам. За границу я не собирался и не собираюсь, а если бы и поехал, то только для того, чтобы ликвидировать там свое имущество» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-49258. Л. 10–11).

Вскоре Георгий Болеславович обратился в ГПУ с ходатайством об освобождении его под подписку о невыезде, «принимая во внимание, что полная моя лояльность и преданность Советской власти установлена». 4 сентября, действительно, было принято соответствующее постановление, и на следующий день Г. Б. Петкевича освободили из Дома предварительного заключения на ул. Войнова (Шпалерной) под подписку о невыезде (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-49258. Л. 12–13, 17).

21 октября, видимо, благодаря заступничеству бывших коллег по советской работе, Георгия Болеславовича освободили от подписки о невыезде. В постановлении по его делу говорилось о получении ГПУ данных, что Г. Б. Петкевич «собирал сведения и при разговорах с церковниками говорил, что эти сведения он собирает для того, чтобы поехать за границу и там провести церковную работу и более подробно осветить положение Церкви в СССР», но они не подтвердились. В результате дело было закрыто (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-49258. Л. 14–15).

1 июля 1931 г. жена Георгия Болеславовича В. Г. Петкевич-Пейкарова, также лишённая избирательных прав в 1929 г., была восстановлена в них по решению Ленсовета⁶. Правда, с самим бывшим губернатором решение этого вопроса затянулось. Лишь 20 марта 1932 г. Президиум ВЦИК⁷, рассмотрев его вторичное ходатайство, внесенное Центризбиркомом⁸, постановил прошение удовлетворить (ЦГА СПб. Ф. 969. Оп. 4. Д. 78. Л. 20 об.; Ф. 8937. Оп. 122. Д. 8267. Л. 99).

В это время Г. Б. Петкевич проживал с женой по адресу: Коломяги, 3-я линия, д. 53, кв. 2. В начале 1930-х гг. Георгий Болеславович работал на судостроительном заводе им. Марти (ныне Адмиралтейском объединении), но 15 февраля 1933 г. был уволен по сокращению штатов (ЦГА СПб. Ф. 4914. Оп. 3. Д. 4. Л. 218).

В церковной оgrade

В следующем месяце он был принят на работу завхозом Николо-Богоявленского собора и 10 апреля написал заявление о приеме в члены двадцатки. С начала июля 1933 г. Г. Б. Петкевич стал исполнять обязанности председателя приходского совета, а 30 января 1934 г. официально выбран общеполномоченным и председателем двадцатки. Председателем приходского совета Николо-Богоявленского собора он был в самый тяжелый период антицерковных гонений — во 2-й пол. 1930-х гг. (ЦГА СПб. Ф. 4914. Оп. 3. Д. 4. Л. 230, 238, 247). И как здесь не вспомнить уже упоминавшиеся слова И. Ф. Кошко о бесстрашии Петкевича — оно сопутствовало ему и перед лицом террористической волны нач. XX в., и перед лицом сталинского

⁶ Ленинградский городской совет народных депутатов (до 1924 г. Петросовет), высший орган государственной власти на территории Ленинграда.

⁷ Всероссийский центральный исполнительный комитет, высший (наряду с Всероссийским съездом Советов) законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики и РСФСР до 1938 г.

⁸ Центральный избирательный комитет.

террора 30-х гг. Он не мог не понимать возможных последствий своего пребывания «в церковной ограде».

Почти сразу же на своем новом посту Георгию Болеславовичу пришлось столкнуться с различными ограничениями советских властей. Так, 27 июня 1933 г. президиум Леноблисполкома и Ленсовета постановил: «Колокольный звон не является необходимым элементом культовой службы — признать своевременным прекращение колокольного звона в церквях г. Ленинграда». Все председатели приходских советов, в том числе 15 июля и Г. Б. Петкевич, были вынуждены подписать обязательства о прекращении его в своих храмах с 15 июля 1933 г. (ЦГА СПб. Ф. 4914. Оп. 3. Д. 4. Л. 230).

На собрании двадцатки от 30 января 1934 г. была выражена благодарность завхозу Г. Б. Петкевичу за установление по требованию властей «в трудных условиях» электроосвещения вокруг Никольского сквера, также отмечалась проведенная планировка прилегающего к собору сада. По предложению Петкевича было принято решение усилить охрану сторожей и установить в храме секретный сигнал ввиду постоянных попыток совершить ограбление собора (ЦГА СПб. Ф. 4914. Оп. 3. Д. 4. Л. 247).

До высылки из Ленинграда в марте 1935 г. настоятелем Николо-Богоявленского собора служил выдающийся церковный деятель — прот. Николай Чуков, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, с которым у Г. Б. Петкевича сложились самые добрые отношения.

В сер. 1930-х гг. усилились репрессии членов причта, и в церковные праздники, особенно в дни Великого поста и на Пасху, священнослужителей не хватало. Верующие переполняли собор, и 10 апреля 1935 г. председатель приходского совета Г. Б. Петкевич обратился к районному инспектору по делам культов с просьбой разрешить привлекать к службам по праздникам в храме дополнительных священников: «Считая, что к помощи посторонних священников в условиях нормального времени прибегать не придется, в течение Великого Поста, праздника Пасхи и в таких исключительных случаях, как храмовые праздники Николина дня, когда скопление молящихся превышает в связи с закрытием соседних приходов вместимость обоих храмов, без временной регистрации посторонних обойтись нельзя. Скопление исповедующихся и причащающихся чрезвычайное. На Страстной неделе в день выноса плащаницы 26 апреля, двенадцати евангелий 25 апреля, погребения с 26 на 27 апреля и Пасхи 27 и 28 апреля прошу разрешения сверх кладбищенских священников Смоленского кладбища Серафима Архангелова и слепого Василия Кляровского пригласить в помощь без вознаграждения бывшего священника, приписанного к Русско-Эстонской церкви⁹, Ивана Лебедева, 69 лет, не лишенного паспорта. Поясняю, что в праздничные дни служатся 3 литургии: одна — ранняя, другая — поздняя, третья — эстонская» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 187. Л. 70).

Даже в условиях гонений в соборе, во многом благодаря усилиям Г. Б. Петкевича, продолжались реставрационные работы. В августе 1935 г. была завершена реставрация семи икон и двух картин, в том же году отремонтировали крышу собора, устроили водопровод и канализацию, в следующем — провели ремонт фасадов, реставрацию иконостасов и т.д. В архивном деле храма имеются акты о приеме значительных ремонтно-реставрационных работ от 22 сентября 1935 г., 16 декабря 1936 г. и 28 сентября 1939 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 186. Л. 86).

Следует упомянуть, что 19 февраля 1937 г. на собрании двадцатки руководивший собранием Д. И. Юскевич, «указывая на особые труды, понесенные председателем 20-ки Г. Б. Петкевичем при исполнении ремонта 1936 г., так и на своевременный и заботливый запас и покупку материалов, предложил выразить Г. Б. Петкевичу особую глубокую благодарность». В результате это предложение было «охотно и единогласно принято» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 186. Л. 155–155 об.). Должности председателя

⁹ Русско-эстонская церковь св. Исидора Юрьевского находится в Санкт-Петербурге по адресу: пр. Римского-Корсакова, д. 24.

приходского совета и общеполномоченного Георгий Болеславович занимал до августа 1937 г., одновременно оставаясь завхозом Николо-Богоявленского собора.

«Считаю себя русским»

20 апреля 1937 г. Г. Б. Петкевич был третий раз арестован по «польскому делу» (нескольких арестованных в Ленинграде поляков), согласно постановлению от 19 апреля, по подозрению, что он «занимается контрреволюционной агитацией, направленной против политики партии и Советского правительства». Обыск, проведенный в его квартире при аресте (ул. 3-го Июля (ныне Садовая), д. 67/120, кв. 10), ничего не дал следствию: были изъяты лишь паспорт и переписка (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-2963. Л. 2–4).

В заполненной после ареста анкете Г. Б. Петкевич сообщил, что он является белорусом, его жена — инвалид 3-й группы, проживает в Кутаиси (видимо, лечилась там от туберкулеза), а дочери живут за границей: Кира Волконская и Ольга Петкевич — в Женеве, а Мария Черкасова — в Бухаресте (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-2963. Л. 5).

21 апреля состоялся единственный допрос. На первый вопрос следователя: «Вы арестованы как участник контрреволюционной группировки, проводивший контрреволюционную работу. Дайте по этому вопросу показания», Г. Б. Петкевич ответил: «Ни в какой контрреволюционной группировке я не состоял, контрреволюционную работу не вел». Второй вопрос был более пространным: «Вы показываете неправду. Следствие располагает данными, что Вы проводили контрреволюционную работу, доказывали, что, якобы коммунисты довели Советский Союз до нищеты, крестьянство разорили, одобрительно отзывались о захвате власти в Германии фашистами. В связи с злодейским убийством т. Кирова, доказывали, что, якобы, пострадает много невинных людей. Дайте правдивые показания», но и на него арестованный ответил отрицательно: «Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался, выступлений контрреволюционного характера с моей стороны не было» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-2963. Л. 8).

В дальнейшем выяснилось, что показания на Г. Б. Петкевича дали его знакомые Г. К. Жерве и А. Б. Галь. Видимо, поэтому подследственный, узнав об этом, заявил, что «они настроены крайне враждебно к Советской власти». Петкевич также показал: «Контрреволюционных утверждений, взглядов Жерве и Галя не разделял, с их доводами и обвинениями не соглашался и выступал против» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-2963. Л. 8 об. — 9).

23 апреля, видимо, в последний раз благодаря заступничеству бывших коллег по советской работе, Г. Б. Петкевич был освобожден из Дома предварительного заключения под подписку о невыезде из Ленинграда. 25 мая материалы на него выделили «из общего дела для дальнейшего расследования», а 15 июня было принято постановление о прекращении дела и отмене подписки о невыезде, так как «из собранного материала виновность не подтвердилась» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-2963. Л. 1, 12–16).

Вскоре после начала «Большого террора» — в ночь с 22 на 23 августа 1937 г. — Г. Б. Петкевич был арестован в четвертый раз в своей квартире на ул. 3-го Июля. Его арест прошел в рамках т.н. «польской операции» НКВД, начавшейся 11 августа 1937 г. По этому национальному признаку из самых разных социальных слоев СССР в 1937–1938 гг. было арестовано 143810 человек, из которых 111091 человек приговорено к расстрелу. В постановлении об аресте от 21 августа говорилось, что Петкевич — поляк и «является участником контрреволюционной фашистской группировки и проводит контрреволюционную пораженческую агитацию и пропаганду» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 1).

Во время обыска, проведенного в его квартире на ул. 3-го Июля, были изъяты: паспорт, переписка, блокнот, фотографии и самоучитель польского языка. В заполненной

после ареста анкете Г. Б. Петкевич сообщил, что его первая жена Вера Игнатьевна, дочери Кира и Ольга живут в Женеве, а Мария — в Бухаресте. В той же анкете со слов Георгия Болеславовича было записано: «По отцу поляк, считает себя русским» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 3–4).

На допросе 25 августа первый вопрос следователя Петкевичу прозвучал так: «Назовите всех ваших знакомых поляков, проживающих в СССР». По стандартной процедуре первоначально спрашивали о признании «вины», здесь же НКВД интересовала прежде всего возможность любым способом расширить круг арестов людей польской национальности. Петкевич назвал трех своих знакомых поляков. На вопрос о связях с границей он ответил, что регулярно переписывался с дочерьми и до 1932 г. вел переписку с бывшей женой и проживавшим в Германии двоюродным братом жены Оскардом Рилем. Следователем было предъявлено стандартное ложное обвинение о шпионаже в пользу Польши. Первоначально Георгий Болеславович обвинение не признал и ответил отрицательно: «Я ни в какой контрреволюционной организации не участвовал и никакой контрреволюционной агитации не проводил» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 5–7).

Через месяц, на втором допросе — 22 сентября, явно после пыток, Петкевич стал давать показания по сценарию следователя. Расчетливая ложь чекистов перечеркивала всю предшествовавшую духовную, церковную и служебную жизнь Георгия Болеславовича. На первый же вопрос о контрреволюционной деятельности обвиняемый заявил: «Должен признать, что я — Петкевич с 1917 года по день моего ареста занимался шпионской деятельностью в пользу Польши». Согласно показаниям подследственного, он якобы в декабре 1917–1922 гг. через экзарха русских католиков Леонида Федорова передавал польской контрразведке сведения о церковной жизни в Советской России и репрессиях духовенства. Федоров также способствовал при посредничестве Ватикана выезду за границу дочерей Георгия Болеславовича Кире и Марии. С 1927 г. Петкевич будто бы снова стал передавать церковную информацию для Польши через иосифлянского протоиерея Александра Советова — брата архиепископа Гродненского Саввы (Советова), в 1929–1931 гг. — через католического епископа Антония Малецкого, а затем через русского католического священника Епифания Акулова (до его ареста в июле 1937 г.) (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 9–15).

На следующем допросе 24 сентября Петкевич дал показания о некоторых проживавших в Ленинграде поляках, прежде всего о В. В. Спегальском. В то время одной из главных целей НКВД была фабрикация дел якобы существовавших в подполье контрреволюционных организаций. Поэтому на четвертом и последнем допросе 26 сентября Г. Б. Петкевича заставили дать показания о создании такой церковной организации и вербовке православного духовенства для шпионской работы в пользу Польши. Всего якобы были завербованы пять священников: Матфей Федотов, Александр Виноградов из Николо-Богоявленского собора, Николай Стихий из Павловской церкви, Николай Соколов из храма в пос. Славянка, Стефан Рожковский из Афонской церкви (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 23, 32).

В обвинительном заключении, составленном уже после расстрела Петкевича — 20 ноября, говорилось, что он признал себя виновным и изобличен показаниями священников Н. Соколова, С. Рожковского, А. Виноградова, И. Журавского, Л. Смоктуновича, В. В. Спегальского, В. В. Шкловского, В. М. Куфанина и П. П. Гулицкого, хотя вещественных доказательств не было. По делу Г. Б. Петкевича проходили арестованные священники Н. Соколов, С. Рожковский, А. Виноградов, И. Журавский, М. Федотов, Е. Акулов, а также И. П. Якубовский, К. И. Шульц, Семенович и Юрмаков, но они были осуждены по отдельным делам (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 82).

1 октября 1937 г. Георгий Болеславович был приговорен в особом порядке Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по ст. 58, пп. 10 и 11 УК РСФСР (антисоветская деятельность и агитация) к высшей мере наказания. В приговоре говорилось, что Г. Б. Петкевич «в 1917 г. был завербован для польской националистической работы

в СССР резидентом польской разведки Федоровым Александром, за период связи с резидентами Советовым, Малецким и Акуловым передавал для польской разведки сведения о состоянии церковной жизни в СССР и проводил контрреволюционную работу среди православного духовенства в пользу Польши. Вместе с польским националистом Спегальским обсуждал вопрос о продолжении территориальной борьбы против руководства ВКП(б)» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 76, 83).

6 октября 1937 г. Г. Б. Петкевич был расстрелян на основе предписания начальника Управления НКВД по Ленинградской области Л. Заковского от 5 октября и отношения Наркомата внутренних дел от 2 октября. Расстрел лично провел комендант Управления НКВД по Ленинградской области А. Р. Поликарпов. Георгий Болеславович был похоронен на Левашевской пустоши под Ленинградом. Он был реабилитирован Прокуратурой Санкт-Петербурга 16 августа 1989 г. (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-70840. Л. 85, 87); [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 327].

Его жена В. Г. Петкевич-Пейкарова была арестована уже после гибели мужа — 20 октября 1937 г., и 2 ноября, как «член семьи врага народа», приговорена Особым совещанием НКВД СССР к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 2 сентября 1938 г. решением Особого совещания НКВД приговор заменили на лишение права проживания в 15 важнейших городах — в том числе и в Ленинграде — на пять лет. Вероятно, ее тяжелое болезненное состояние — туберкулез на стадии угасания — не позволило покинуть Ленинград, и через непродолжительное время здесь она и скончалась 3 января 1939 г. 28 апреля 1989 г. Вера Германовна была реабилитирована Прокуратурой г. Ленинграда (АНИЦ «Мемориал»).

Эпилог

Так завершилась жизнь этого незаурядного, талантливого и... наивного человека, поверившего в советскую власть, верой и правдой служившего этой власти, которая зачеркнула все плоды его трудов вместе с жизнью. Единственное, что этой власти оказалось неподвластно уничтожению, — его горячая вера, труды, понесенные им на православной церковной ниве. Судьба близких, детей и потомков Георгия Болеславовича сложилась по-разному. Его первая жена Вера Игнатьевна, женщина с сильным характером, во втором замужестве Ганс-Якоб, новым браком и отъездом в Швейцарию спасла себя и детей. После смерти мужа она держала в 1930-е гг. домашний пансион в Женеве, скончалась там же в 1975 г. После ее смерти остались воспоминания, посвященные семье и малой родине — Казанской губернии.

Старшая дочь, Мария Георгиевна (1909–1997), в первом браке Черкасова, во втором Сельцикиотис, получила хорошее техническое образование в Швейцарии, где по большей части жила и где умерла. Кира Георгиевна (1911–1995) окончила Сорбонну, вышла замуж за правнука декабриста князя Михаила Петровича Волконского (1891–1961). В 1947 г. как реэмигранты они приехали в СССР, были определены государством на постоянное жительство в Тамбов, что по сути означало ссылку, и лишь к концу 1950-х гг. смогли переехать в Москву. Их сын, внук Г. Б. Петкевича, Андрей Михайлович Волконский (1933–2008) был известным в СССР музыкантом и композитором, в 1973 г. переехал на Запад. Младшая дочь Ольга Георгиевна (1912–2001), в замужестве Рём, жила в Швейцарии в Женеве, где и скончалась. Ее дочь, внучка Г. Б. Петкевича, Вера Рём (Vera Röhm, 1943 г. рожд.) стала известным европейским скульптором и архитектором, живет в Германии и Франции. С отцовской стороны она внучка изобретателя плексигласа Отто Рёма.

Источники и литература

1. Grézine (1998) — *Grézine I. Les Goremykine et leur parenté.* Paris, 1998.
2. Акинъшин, Карпачев (2015) — *Акинъшин А. Н., Карпачев М. Д.* Губернатор Петкевич Георгий Болеславович. 1914–1915 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 2015. С. 391–398.
3. АНИЦ «Мемориал» — Архив Научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург).
4. АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-2963; Д. П-49258; Д. П-70840.
5. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 148; Ф. 4359. Оп. 1. Д. 250.
6. ГАСО — Государственный Архив Саратовской Области. Ф. 637. Оп. 2. Д. 2642.
7. Джунковский (1997) — *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2.
8. Кошко (1916) — *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород, Самара, Пенза. Пг., 1916.
9. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 168.
10. Санкт-Петербургский мартиролог (2017) — Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017. С. 327.
11. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 969. Оп. 4. Д. 78; Ф. 1001. Оп. 81. Д. 714; Ф. 4914. Оп. 3. Д. 4; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 186; Д. 187; Д. 238; Ф. 8937. Оп. 122. Д. 8267.